

ЛЕЙЧИК В. М.

О ЯЗЫКОВОМ СУБСТРАТЕ ТЕРМИНА

В изучении терминов и операций, проводимых над ними, намечается два основных подхода — нормативный и дескриптивный. В рамках и о р м а т и в н о г о подхода были сформулированы так называемые требования к термину, автором первых из которых был Д. С. Лотте (однозначность, точность, систематичность, отсутствие синонимов, краткость и др. [1, с. 15—16, 72—79]). В дальнейшем количество этих¹ требований было увеличено до 14—15 [2, с. 7—10]. Нормативный характер подхода к термину проявлялся в самих формулировках соответствующих методических документов, в которых они содержались: «термин не должен быть многозначным», «научно-технический термин должен обладать определенными систематизирующими свойствами», «термин должен быть кратким» и др.¹ На основе этих положений проводилась и проводится большая работа, результатом которой стали государственные, отраслевые и международные стандарты на термины и определения (по состоянию на начало 1984 г. в СССР действовало около 800 ГОСТов на термины), свыше 300 сборников рекомендуемых терминов и других работ, содержащих упорядоченную терминологию, созданных под руководством КНТТ крупнейшими учеными нашей страны [5, с. 5], десятки терминологических словарей, среди которых многие выполняют нормативную функцию [6]. Наличие и широкое использование этих и других результатов терминологической деятельности свидетельствуют о том, что термины, в частности научно-технические, а также совокупности терминов (терминологии) поддаются упорядочению и стандартизации, шире — унификации, сознательному регулированию, что позволяет им удовлетворительно выполнять функцию обозначения понятий и систем понятий в специальных областях знаний и деятельности.

В рамках д е с к р и п т и в н о г о подхода к терминам (начало этим работам было положено статьей Г. О. Винокура)² утверждается, что «в роли термина может выступать в с я к о е слово, как бы оно ни было тривиально, и что термины — это не особые слова, а только слова в о с о б о й функции» [8, с. 5]. Описывая реальные термины с опорой на такое их понимание, авторы множества работ опровергали упомянутые выше нормативные требования к терминам и доказывали, что термины многозначны (ср. [9]), что им присуща синонимия [10], что даже среди стандартизованных терминов есть такие, которые содержат до 11—17 слов [11, с. 4], что точность и системность термина относительны [12, с. 2—3]. Короче говоря, в этих работах обосновывалась я з ы к о в а я природа термина (по образному выражению Н. З. Котеловой, «термины — это

¹ Цитируемые формулировки взяты из методического пособия по разработке и упорядочению научно-технической терминологии [2], являющегося последним по времени методическим документом КНТТ (ранее было выпущено три методических документа, основанных на трудах Д. С. Лотте, с аналогичными положениями). Близки по идеям руководящие документы по стандартизации научно-технической терминологии, изданные Госстандартом, в частности действовавшая в течение 10 лет методика РД 14—74 [3]. Правда, в методических указаниях 1984 г. [4] нормативные требования к стандартизуемым терминам значительно смягчены.

² Различие нормативного и дескриптивного подходов к термину удачно показал Н. П. Кузькин: «Если лингвисты подходят к термину как к чему-то данному, то терминологи — как к объекту сознательной целенаправленной обработки. Поэтому лингвисты говорят о признаках термина, а терминологи — о требованиях к термину» [7, с. 140—141].

слова, и ничто языковое им не чуждо» [13, с. 124]). Требования же к термину объявлялись противоречащими языковой природе термина и потому невыполнимыми — полностью или частично [14].

Однако в такой постановке вопроса заключалась слабость аргументации. Во-первых, сторонники тезиса «процессом формирования научных терминов надо управлять» [15, с. 17—22] никогда не отрицали языковой природы термина; они говорят лишь о том, что термины — особые слова или слова с особым (терминологическим) значением и это позволяет устранять их многозначность, синонимию в рамках определенных терминологий и т.п. Во-вторых, бесспорные успехи работы по конструированию и использованию терминосистем, в которых фигурируют термины, более или менее удовлетворяющие «требованиям», свидетельствуют о том, что и нормативный подход к термину не бесплоден (к середине 80-х гг. в 40 промышленно развитых странах действовало около 15 тыс. национальных терминологических стандартов, не говоря уже о нескольких сотнях международных).

Эти факты наталкивают на мысль, что как бы ни были убедительны работы о языковой природе термина [12, 16], о специфике термина [13], о сущности термина [7], они, оставаясь в рамках лингвистического подхода, не могут выявить те особые, наиболее существенные признаки термина, которые и позволяют противопоставлять его всем другим лексическим единицам языка.

Не решает вопроса о природе термина и формулировка А. А. Реформатского, которая гласит, что «терминология — это служанка двух господ — языка и логики, и его высказывания о том, что термин существует в лексике (лексической системе языка) и логосе (системе научного знания) [17, с. 2—3; 18]. Если быть точным, то термин является слугой трех господ: языка, «логики» как общих закономерностей формулирования понятий и их определений и той предметной области, к которой этот термин относится (отрасль науки, техники и т.п.). Можно сказать, что термин — это слуга и философии, и науковедения, т. к. каждая из этих областей знания может выделить в многоаспектном объекте — термине признаки, принадлежащие ей. Кроме того, предложенное А. А. Реформатским понятие терминологического поля (Feld) как данной терминологии, вне которой слово теряет свою характеристику термина [17, с. 9], оказалось достаточно трудно определяемым, и эти его идеи не получили дальнейшего развития. Хотя многие сторонники и нормативного, и дескриптивного подходов к термину повторяли высказывания А. А. Реформатского о двойном подчинении термина, они по существу говорили в каждом случае о разных аспектах термина, работали как бы в разных плоскостях.

Представляется, что разрешение антиномии между нормативным и дескриптивным подходами к термину невозможно ни в рамках лингвистики, ни в рамках логики, а только в рамках такой науки или научной дисциплины, в которой термин является основным предметом и где его существенные признаки могут быть определены с необходимой полнотой. Эта научная дисциплина сложилась в нашей стране на основе достижений советской терминологической школы; в конце 60-х гг. в работах Б. Н. Головина и В. П. Петушкова она получила название терминоведения [15, с. 38; 19]. Терминоведение как комплексная научная дисциплина, возникающая на базе лингвистики, использует методы логики, семиотики, науковедения, общей теории систем, информатики и др., а также формирует собственные методы [20]³.

Для языковедов важно установить, каковы лингвистические аспекты термина, что в нем, в его семантике и формальной структуре от языка, от лексико-семантической и словообразовательной систем языка и что — от экстралингвистических (логических, семиотических) аспектов термина и его собственно терминологической сущности. В этой связи следует ука-

³ Следует указать, что видный австрийский ученый Э. Вюстер выступил в 1972 г. с докладом, в котором он обосновал общую теорию терминологии как научную дисциплину, входящую на стыке лингвистики, логики, онтологии, информатики и предметных наук [21].

зять, что термин образуется на основе лексической единицы определенного естественного языка, т. е. лексическая единица этого языка является с у б с т р а т о м термина. При этом нужно добавить, что в понимании субстрата мы здесь следуем не лингвистической традиции, а скорее использованию этого понятия в микробиологии; субстраты — питательные среды для развития микроорганизмов. При таком понимании языковых аспектов термина могут быть решены многие методологические вопросы терминоведения. Прежде всего, определяются место и границы применения лингвистических методов анализа термина и терминосистем: семантический, словообразовательный, грамматический, этимологический анализ отдельного термина (точнее, слова или словосочетания, на основе которых он «развился»), семантические, словообразовательные и синтаксические связи между терминами, образующими некоторую совокупность (точнее, между соответствующими словами, их лексико-семантическими вариантами и словосочетаниями). Далее, реализуется в полной мере философский принцип установления иерархии форм движения и — следовательно — наук, изучающих эти формы движения: так, известно, что химическая форма движения базируется на физической (но не сводится к ней), социальная форма движения базируется на биологической (но не сводится к ней) [22, с. 303]. В равной мере термин базируется на лексической единице определенного языка, но не сводится к ней, а терминоведение развивается на базе лингвистики, но не сводится к ней. Применение лингвистических методов в терминоведении необходимо, является важнейшей составной частью системы методов этой научной дисциплины. Результаты применения этих методов, однако, вскрывают лишь признаки языкового субстрата терминов, закономерности функционирования этого субстрата, но не всю надстроившуюся на этом субстрате совокупность признаков терминов, онтологию последних.

Понятно, что для языковеда основной интерес представляют именно те признаки термина, которые он получает от лексической единицы; но языковед в равной мере привлекают и сам процесс становления термина, превращения нетермина в термин и — хотя бы в общих чертах — те признаки, которые термин приобретает (или теряет) в ходе этого процесса. Ниже следуют некоторые наблюдения, относящиеся к этим трем сторонам изучения термина.

Любой термин имеет фонетический облик слова или словосочетания определенного естественного языка. Даже если термин представляет собой заимствование из другого языка, он, как и всякое заимствование, подвергается в большей или меньшей степени фонетической ассимиляции. Иногда делаются попытки найти специфику в фонемной/графемной структуре терминов. Так, ученый из ГДР Л. Хоффман пишет о том, что для терминов характерна высокая частота встречаемости групп согласных вообще и нетипичных сочетаний согласных в частности [23, с. 392 и сл.]. Напротив, чехословацкий лингвист Л. Дрозд и западногерманский лингвист В. Зайбике в своей книге утверждают, что на фонологическом уровне у терминов нет отличий от нетерминов и специфика может проявляться только на морфемном и других более высоких уровнях [24, с. 36—78].

Но и формальная — морфемная, словообразовательная, словосочетательная — структура термина в принципе та же, что и у слова или словосочетания соответствующего языка. В многочисленных работах, посвященных формальной структуре терминов, показано, что термины выступают в виде производных, производных и сложных слов какого-либо естественного языка. Структура терминов, имеющих форму словосочетания, также зависит от преобладающих в данном языке моделей. Так, в русской лингвистической терминологии 77,8% моделей терминологических сочетаний являются субстантивно-адъективными, в немецкой — 79,5%, в английской — 83,4%, субстантивных (из двух существительных) моделей соответственно по указанным языкам 22,2%, 20,5% и 16,6%. В русском языке преобладают трехчленные модели данных терминов — 55,5%, в английском — 50%, а в немецком (в связи с высокой продуктивностью словосложения) — 29,3% [25, с. 73]. Говоря о терминообразова-

нии как о процессе создания терминов из наличных морфем и слов, можно констатировать лишь преобладание тех или иных процессов в сфере терминов по сравнению с другими сферами. Например, не очень широко распространенный в русском языке процесс словосложения становится все более продуктивным в терминообразовании. С другой стороны, создание многочисленных так называемых телескопических слов (*магнитофон* + *радиоло* → *магнитола*) является проявлением издавна существовавшего общезыкового процесса контаминации [26, с. 191—195]. То же касается и высокого процента сочетаний существительных с существительными в косвенном падеже (*крутизна кривой нарастания колебания*), которых достаточно много как среди русских терминов, так и нетерминов.

Содержательная структура термина включает компоненты, обычные для лексической единицы естественного языка: семантику (денотат) и смысл, если следовать Г. Фреге, референт и сигнификат, согласно С. К. Огдену и И. Ричардсу, значение и внутреннюю форму, по А. А. Потемне (здесь не место для обсуждения различий в понимании этих терминов). Если подходить к семантике термина с лингвистической точки зрения, то можно выделить в содержательной структуре соответствующей лексической единицы некое терминологическое значение, которое обычно приравнивается к специальному понятию. Это терминологическое значение существует в содержательной структуре лексической единицы наряду с другими, нетерминологическими, значениями: *клетка* (биол.) — *клетка* (для птиц, в тетради и др.). С терминоведческой точки зрения все эти другие значения слова или словосочетания не должны учитываться. В этом плане, когда к термину предъявляется требование — не быть многозначным — и когда говорят, что наличие многозначности — это недостаток терминологии [1, с. 18—21; 2, с. 7—8], речь идет по существу о языковом субстрате термина, а не о самом термине. Правда, здесь нельзя упрощать ситуацию и утверждать, что весь комплекс лексико-семантических вариантов не влияет на то значение термина, которое признается терминологическим. У термина сохраняются коннотации [27], которые участвуют в построении производных слов и словосочетаний. Так, на базе термина информатики и теории классификации *дерево* создаются термины *ветвящие дерева*, *растущие поисковое дерево*. Исходная внутренняя форма термина, способ представления его значения, его мотивированность определяются в конечном счете его языковым субстратом. Здесь могут наблюдаться прямая и косвенная номинации (вторичные наименования) в виде метафоризации или метонимизации [28, с. 190—221]: *нос* (корабля), *стол* (диетический), а также немотивированность: *вода* (хим.) и т.п. Другое дело, что в дальнейшем внутренняя форма лексической единицы отступает в термине на задний план и может не учитываться в его отношении к обозначаемым понятием.

На базе функций слова или словосочетания формируется функциональная структура термина. Термину присущи все основные функции слова: номинативная, сигнификативная, коммуникативная, прагматическая [29, с. 403]. Первая функция реализуется в том, что с помощью терминов называют общие понятия, категории, признаки (свойства) понятий, а также операции (отношения) между объектами в различных специальных сферах человеческих знаний и деятельности; без такого названия невозможны познание и деятельность в данных сферах. Сигнификативная функция термина, тесно связанная с номинативной, раскрывается в способе обозначения объектов номинации — безразлично, имеет ли мы дело с прямой или косвенной номинацией, с обозначением объекта (класса объектов) или его признаков. При рассмотрении сигнификативной функции термина опровергается распространенное заблуждение, что термин должен в ы р а ж а т ь понятие; значительное количество терминов просто обозначает понятие по его отличительному признаку (признакам). В этом отношении термин ничем не выделяется из общей массы слов (названий). Не выполняет термин и дефинитивную функцию, которую часто ему приписывают. Можно согласиться с А. И. Моисеевым: «...дефинитивную функцию нельзя признать свойством термина: термин не определяет

и не может определить понятия. Это задача логической дефиниции» [16, с. 136]. Коммуникативная функция термина состоит в том, что с его помощью адресант передает во времени и пространстве определенную специальную информацию (нередко при установлении обратной связи с реципиентом); коммуникативная функция термина может быть иначе названа информационной. В известной мере присуща термину и прагматическая функция, которая зависит от той установки, которую выбирает продуцент, воздействуя на реципиента: убедить, побудить к действию и т.п. Для термина диапазон таких установок достаточно узок. Однако если речь идет о терминах общественных, в частности, политических наук, то можно утверждать, что эмоционально-экспрессивный компонент входит в содержательную структуру этих терминов, что и позволяет им выполнять прагматическую функцию.

Языковой субстрат термина наиболее ясно виден в функционировании терминов в текстах. Как и любые лексические единицы, термины подвергаются в синтагматическом аспекте всем видам субституции: замене их краткой формой (*государственный стандарт* → *ГОСТ*), родовым термином (*адаптивная система* → *система*), местоимением [30]. Термин — название процесса или свойства — может преобразовываться в тексте в описание этого процесса (свойства): *управление государством* — *управлять государством*; *безотказность устройства* — *безотказное устройство*. Вообще далеко не все термины в своей исходной форме представляют собой результат опредмечивания признаков понятия. В разных терминосистемах кроме существительных (или субстантивных словосочетаний) фигурируют также термины-глаголы, прилагательные, наречия [31 с. 39—51].

Таким образом, языковая, лексическая основа проявляется во всех сторонах термина: и в его фонемной, и в словообразовательной, и содержательной, и функциональной структуре. Отсюда можно сделать вывод о неправомерности традиционных противопоставлений «термин — слово», «термин как особое слово — общеупотребительное слово», поскольку между этими единицами существует не отношение контрастности, а отношение логической производности. Однако тут же возникает вопрос о том, почему же у термина появляются такие новые специфические признаки, как наличие одно-однозначного соотношения термина и понятия в системе определенной области знаний и деятельности, содержательная системность, устранение частичных синонимов в рамках терминосистемы, возможность отбора оптимальных словообразовательных и словосочетательных способов из числа имеющихся в том или ином естественном языке?

Ответы на эти вопросы могут быть найдены в теоретических положениях терминоведения, которое в современных условиях развивается в тесной связи с теорией языков для специальных целей. Эта теория, ведущая свое начало от идей Пражского лингвистического кружка о функциональных языках (Б. Гавранек) и получившая широкое распространение с начала 70-х гг. нашего столетия, трактует языки для специальных целей как функциональные разновидности современных развитых национальных языков, как подсистемы этих языков (отсюда — предложение называть их не языками, а подъязыками), используемые в таких специальных сферах общественных отношений, как наука, производство (экономика), управление, международные отношения, массовые коммуникации, реклама, спорт и т. п. (говорят о языках науки, техники, управления, дипломатии, рекламы) ⁴. В некоторых работах языки для специальных целей (далее ЯСЦ) приравниваются только к языкам науки, однако такое ограничение неправомерно: у всех ЯСЦ имеются специфические особенности на морфемном, лексико-семантическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях, и эти особенности противопоставляют ЯСЦ в целом такой разновидности соответствующего национального языка, как язык повседневного общения, используемый в неспециальных сферах общест-

⁴ В англоязычных странах говорят о «languages for special purposes (LSP) или о «special languages» [23, 32], в немецкоязычных странах — о «Fach- und Wissenschaftssprache» [24, 33]; во франкоязычных странах — о «langues de spécialité», например, о «le français économique» [34] и др.

венных отношений (семья, быт, транспорт, торговля, туризм и др.). И ЯСЦ, и язык повседневного общения являются подсистемами одного и того же национального (естественного) языка. В то же время между ними существуют и принципиальные различия: язык повседневного общения является первичным, а все языки для специальных целей вторичны; язык повседневного общения практически не ограничен в сфере своего использования, а каждый ЯСЦ ограничен своей специальной областью (химия; математика; производство; управление), язык повседневного общения складывается стихийно, а при формировании ЯСЦ значительна доля сознательного момента, язык повседневного общения естествен в полной мере, а в ЯСЦ имеются элементы искусственности — и в лексических, и в словообразовательных единицах, например, в символа-словах типа *γ-частица* [31, с. 107], и в построении предложений, в частности в языках логики, математики. Р. Г. Котов пишет, что в специальных языках «происходит фактическое сращивание естественного языка с элементами искусственных знаковых систем» [35, с. 18]. В этой связи ЯСЦ могут быть признаны естественно-искусственными системами или естественными системами с известной долей искусственности. Тем не менее, и язык повседневного общения, и ЯСЦ представляют собой подсистемы одного и того же языка (русского, английского и др.), который и является их основой. Поэтому между ЯСЦ и языком повседневного общения и другими разновидностями языка происходит постоянный взаимообмен единицами на разных уровнях. В частности, на лексико-семантическом уровне этот процесс реализуется в явлениях терминологизации и детерминологизации. Эти два явления, хорошо объяснимые с позиций признания языкового субстрата термина, должны быть рассмотрены более подробно.

Прежде чем перейти к этому вопросу, следует сделать еще ряд замечаний относительно лексического состава ЯСЦ. Нужно иметь в виду, что термины являются не единственными лексическими единицами ЯСЦ. В этих языках выделяются три лексических (номинативных) класса «специальных слов»: имена нарицательные, имена собственные и номенклатурные единицы [36, с. 6—7]. Могут сказать, правда, что единицы всех этих трех классов есть и в языке повседневного общения. Но там они не обозначают специальных понятий и потому менее тесно связаны друг с другом системными отношениями. Среди имен нарицательных в рамках ЯСЦ термины выступают как обозначения (знаки) общих — абстрактных и конкретных — понятий, при этом термины могут обозначать либо общенаучные (общетехнические), либо узкоспециальные понятия. На этой основе термины определенной специальной области знания или деятельности сознательно объединяются в терминосистему, обладающую нередко достаточно сложной структурой. В языке повседневного общения, естественно, таких терминосистем нет. Отсутствуют в нем и номенклатуры — организованные системы частных понятий известной области, например, марок промышленной продукции, сортов растений, пород животных и т. д., а также взаимосвязанные совокупности собственных имен, обозначающих единичные понятия данной сферы, например, названий учреждений и организаций в языке управления. Из сказанного можно сделать вывод о том, что единицы перечисленных номинативных классов (в том числе нарицательные имена-термины) представляют собой лексические единицы ЯСЦ, а не единицы соответствующего естественного языка в целом. Эту же мысль можно выразить и иначе: термины — это не «особые слова», а «специальные слова» — лексические единицы специальных языков, какими являются ЯСЦ⁵.

При таком подходе в перечень способов терминообразования могут быть включены следующие способы: 1) приобретение признаков термина

⁵ В. В. Акуленко пишет: «Термины возникают и функционируют не в языке в целом, а внутри отдельных подязыков, то есть тематически ограниченных наборов специальных и общезыковых средств, необходимых для общения в определенной сфере человеческой деятельности» [37, с. 136]. Если быть точным, то термины могут возникать либо в языке повседневного общения, либо в языке для специальных целей, но функционируют они именно как лексические единицы ЯСЦ.

нетерминами — лексическими единицами естественного языка, «надстраивание» признаков термина у единиц языкового субстрата; 2) превращение в термины лексических единиц других номинативных классов ЯСЦ; 3) создание, конструирование термина из наличных лексических и словообразовательных элементов (морфологическое и синтаксическое терминологизация, т. е. семантического способа терминологизации — приобретения функции термина (члена терминосистемы) лексической единицей, которая ранее не имела этой функции, причем без изменения ее формальной структуры.

Из лексики языка повседневного общения, других разновидностей соответствующего языка, образующих в совокупности основу, лексический субстрат, в сферу терминов переходят единицы трех видов (приведенные здесь примеры относятся к названиям рыб [38]): 1) лексические единицы данного литературного языка: *сельдь, конь, белорыбица* (некоторые из этих единиц представляют собой результат косвенной номинации); 2) лексические единицы из диалектов: *омуль (омиль, омоль)*; 3) заимствования из других литературных языков. В процессе терминологизации эти единицы приобретают прямое значение и включаются в состав определенной терминосистемы.

Из различных слоев лексики ЯСЦ в число терминов переходят: 1) элементы общенаучной (общетехнической) лексики: *система, анализ, мера*; 2) элементы профессиональной лексики (профессионализмы), профессионального просторечия и жаргонов: *дикорос* (растение, скрещиваемое с культурным); *отпад* (деревья, отмершие в результате естественного изреживания древостоя) (ГОСТ 18486-73 «Лесоводство. Термины и определения»), *запелски, продир* (ГОСТ 21014-75 «Листы и ленты. Дефекты поверхности и формы. Термины и определения»). При всех трудностях различия специальной лексики и жаргонов можно сказать, что жаргонизмы в рамках ЯСЦ характеризуются отступлениями от словообразовательной нормы литературного языка: *отпад, продир*; 3) заимствования терминов из других терминосистем (межсистемное заимствование): *резонанс* (термин акустики, используемый в ядерной физике), *кластер* (термин, возникший в 30-е гг. XX в. в статистической механике неидеальных газов и заимствованный позднее в терминосистемы химии, астрономии, физики, биологии, социологии, общей теории систем и др.); термины, полученные в результате межсистемного заимствования, первоначально имеют метафорическое значение, которое впоследствии устраняется: в результате вторичной терминологизации термин начинает прямо соотноситься с обозначаемым понятием в рамках новой для него терминосистемы; 4) номенклатурные единицы: *юпитер* (первоначально фирменное название лампы «Юпитер»); 5) собственные имена: *ом* (от фамилии физика Г. С. Ома); 6) заимствования из других естественных языков с одновременной терминологизацией в языке-реципиенте: франц. *la coquille* «раковина, скорлупа» — русск. *кокиль*; 7) интернационализмы (как правило, уже используемые в функции терминов в других языках): *география, мотор* ⁶.

В процессе конструирования терминов применяются следующие способы: 1) аффиксация: *апатит* (греч. *ἄπατη* «обман», т. к. апатит вначале часто принимали за другие минералы + *ит*), *хибинскит* (*Хибинские горы* + *ит*); *предплечье*; 2) словосложение: *плоскоголов* (рыба), *многоугольник*; 3) образование словосочетаний: *ядерный резонанс, угол преломления, трубка-колба* (ГОСТ 15049-74 «Лампы электрические. Термины и определения»); в этих словосочетаниях одно или все слова могут быть

⁶ Вопреки распространенному мнению, семантические способы терминологизации не теряют в современную эпоху продуктивности. Меняется лишь характер реализации этих способов: если в XVII—XVIII вв. широко использовался переход единиц из неспециальной сферы в специальную (*головка, желудок*), то сейчас распространены заимствование терминов из одной терминосистемы в другую (вторичная терминологизация) и взаимный обмен между узкоспециальными терминами и общенаучной (общетехнической) лексикой ЯСЦ: *банк* (фин.) — *банк* (информатика) — *банк* (общенаучный термин).

специфическими элементами терминсистемы либо неспециальными лексическими единицами, используемыми здесь на основе косвенной номинации (так, в термине *ацетилсалициловая кислота* элемент *ацет-* — от лат. *acetum* «уксус», *-ил* и *-овая* — специфические химические суффиксы, *салиц* — от лат. *salix* «ива», *кислота* — общепотребительное слово русского языка, получившее функцию термина; такое сочетание элементов очень типично в ЯСЦ); 4) создание гибридо терминов, т. е. терминов, включающих заимствованный из другого языка или интернациональный и исконный элементы, которые соединяются в процессе образования термина в языке-реципиенте [39]: *теглофикация*, *жосмоидение*; 5) псевдозаимствование, т. е. образование терминов в языке-реципиенте из заимствованных или интернациональных элементов: *комплектация*, *дирижер*.

«Надстраивание» признаков термина в лексических единицах ЯСЦ происходит в виде своеобразного процесса, присущего именно этим языкам, создаваемым, в отличие от языка повседневного общения, на основе принципа сознательного отбора единиц. Речь идет о так называемом периоде первоначального наименования (обозначения) специальных понятий [40, с. 139, 141]. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что время, в течение которого применяется первоначальное наименование, может быть достаточно большим; это именно период, а не момент. Для обозначений специальных понятий в этот период характерны определенные содержательные и формальные признаки. Если речь идет о термине, который является с самого начала как член уже существующей терминсистемы, то в его содержательной и формальной структуре имеются наименования признаков, сходные с уже названными или отличные от них: *автомобиль* — затем *грузовой автомобиль* — затем *бортовой грузовой автомобиль*; *раит*, *келдышит* (минералы). Когда отличительный признак понятия не известен, малоизвестен или плохо объясним, название ему присваивается на основе достаточно отдаленной, внешней ассоциации с ранее известным понятием: «*странные*» *частицы*, «*очарованные*» *частицы* (в физике). Эти метафорические обозначения характерны для начального периода развития некоторой теории [41, с. 75—82], когда и терминсистемы еще нет. Другим типичным способом первоначального наименования, когда не установлено, какие признаки существенны для нового объекта (понятия), являются протяженные обозначения, в которых перечислены многие признаки: *индуктивное сопротивление обратной последовательности напряжения якоря синхронной машины* (ГОСТ 17154-71 «Машины электрические вращающиеся. Характеристики, расчетные параметры и режимы работы. Термины и определения». — Термин 84). Если быть точным, то следует назвать эти лексические единицы не терминами, а предтерминами. Практика показывает, что попытки включить в содержательную структуру термина названия всех существенных признаков соответствующего понятия, как это рекомендуется пособием [2, с. 29—30], приводят к чрезмерному удлинению термина. На деле оптимальная структура термина включает наименование предмета и его отличительного признака либо наименование только первого или второго, если они не совпадают с характеристиками других объектов и, следовательно, не вызывают неясностей. Для анализа содержательной структуры термина или предтермина важно выяснить, какова мотивированность данной лексической единицы. На этапе первоначального наименования понятие часто обозначается не по собственному признаку, а по сходству с уже известными или как отрицание этого сходства. Так, радиосвязь первоначально называлась *беспроволочный телеграф* (в противоположность проводной связи). Мотивацией для присвоения названия в этот период может послужить факт незнания признаков понятия. В. Рентген назвал открытые им лучи *X-лучами*. Как уже было сказано, для формальной структуры предтермина часто характерна значительная протяженность.

Наблюдаются следующие основные пути перехода от предтермина к термину, от периода первоначального наименования к периоду утверждения термина в языке: 1) замена обозначения, когда выясняется ложная мотивированность термина (*дуло* винтовки → *ствол* винтовки) или уста-

навливаются его признаки (*беспроволочный телеграф* → *радиосвязь*); 2) устранение малоинформативных элементов (*инфракрасный спектрометр с регистрацией спектра методом преобразований Фурье* → *Фурье-спектрометр*); 3) создание и внедрение сокращенного варианта при сохранении (потенциально) предтермина (*электроннообменные вещества* → *электроннообменники*, *помесь белуги со стерлядью* → *бестер*, *гипнотический сон* → *гипносон*); 4) закрепление предтермина с переходом его в категорию терминов (*«странная» частица*; *«черная дыра»* — в астрономии).

Рассматривая источники терминов и особенности периода первоначального наименования как этапа терминологизации, можно, таким образом, проследить пути превращения нетермина в термин, переход от лексической единицы языка (единицы языкового субстрата термина) к лексической единице ЯСЦ, т. е. собственно к термину. Как мы видели, при этом лексическая единица приобретает ряд признаков содержательного, формального и функционального плана и одновременно теряет некоторые признаки⁷.

Если суммировать все, что характерно для термина как лексической единицы ЯСЦ, то можно сказать следующее. С точки зрения семантики термин представляет собой обозначение общего специального понятия определенной области знаний и деятельности. Являясь членом терминосистемы, термин обладает признаком содержательной системности, иначе говоря, по своему значению термин тесно связан со всеми другими членами терминосистемы — как обозначение видового понятия по отношению к родовому, как обозначение результата действия по отношению к действию и т. п. С точки зрения способа обозначения термины, базируясь на лексических единицах, которые могут считаться немотивированными в общеязыковом плане, становятся мотивированными этими лексическими единицами: *вода*, *ромб*. Эта вторичность мотивации делает мотивированными, объясненными практически все термины. С точки зрения формальной структуры термины, с одной стороны, как было показано, не отличаются от любых лексических единиц (слов и словосочетаний) соответствующего естественного языка; с другой стороны, в последнее время в рамках ЯСЦ начинают появляться зачатки таких способов создания слов и словосочетаний, которые присущи только лексике ЯСЦ, в том числе терминам. Это, например, упомянутые выше символа-слова (*V-клапан*), цепочечные образования (система *хребет-хребет-хребет* в геологической терминологии), словоподобные аббревиатуры [31, с. 131] типа *бестер* и некоторые другие. Только для терминов характерны составляющие их единицы — терминологические элементы, описанные впервые Д. С. Лотте [1, с. 15, 88], а затем В. П. Даниленко [31, с. 107] и другими исследователями; типовые, часто повторяющиеся во множестве лексических единиц терминологические элементы, отмеченные еще Э. А. Дрезеном, *milli-*, *micro-*, *-um* [43, с. 86—96] и постоянно появляющиеся в каждую новую эпоху (*-ход*, *-провод*), составляют фонд модулей национального и международного характера. Наконец, с точки зрения функциональной структуры термин выполняет все функции, которые присущи любой лексической единице. К ним добавляется эвристическая функция, характерная для элементов разных уровней ЯСЦ. Встает вопрос: выполняет ли термин требования, которые предъявляются к нему традиционным нормативным подходом? Вероятно, выполняет в той мере, в какой эти требования соответствуют нормам, действующим в ЯСЦ, но не выполняет те требования, которые приписываются термину как якобы особому слову (отсутствие синонимов, максимальная краткость, стилистическая нейтральность и др.).

⁷ Не следует забывать, что у термина сохраняется способность к детерминологизации, т. е. к возвращению в неспециальную сферу [*орбита* («на орбитах сотрудничества»); *флюиды* («флюиды дружельбия»)]. Этим широко пользуется публицистический стиль, занимающий «среднее» положение в ряду других стилей [42, с. 84—86]. При детерминологизации к лексической единице возвращаются все ее содержательные и формальные признаки, которых она была лишена полностью или частично: возможная распливчатость значения, метафоричность, связь с другими значениями, носящими ветеринарнологический характер, наличие частичных синонимов, способность образовывать производные, не нужные терминосистеме, и др.

Все эти факты позволяют сказать, что переход от лексической единицы языкового субстрата к лексической единице ЯСЦ, в частности к термину, означает ее переход в новое качество. Не исключено, что в конечном счете лексический состав ЯСЦ будет существенно отличаться по семантике и по форме от лексического состава определенного естественного языка, на базе которого он возник, что в ЯСЦ элементы искусственные возобладают над естественными. Но на сегодня такие тенденции выражены достаточно слабо. Термин во всяком случае сохраняет основные признаки лексической единицы определенного естественного языка, а его специфические (хотя и необходимые) признаки вырастают на основе субстратных. Это позволяет примирить в известной мере понимание термина Д. С. Лотте и Г. О. Винокуром, сгладить различие нормативного и дескриптивного подхода к термину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961.
2. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М., 1979.
3. Методика стандартизации научно-технической терминологии. РД 14-74. М., 1975.
4. Методические указания. Разработка стандартов на термины и определения. РД 50-14-83. М., 1984.
5. Сифоров В. И., Кандаки Т. Л. Методологические аспекты терминологической работы Комитета научно-технической терминологии АН СССР.— ВЯ, 1983, № 2.
6. Герд А. С. Терминологический словарь среди других типов словарей.— В кн.: Современная русская лексикография, 1980. Л., 1981.
7. Кузькин Н. П. К вопросу о сущности термина.— Вестник ЛГУ, 1962, сер. история, языка и литературы, вып. 4.
8. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Тр. Московского института истории, философии и литературы, 1939, т. V.
9. Козлова Г. В. Полисемия научно-технического термина (на материале современного английского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1980.
10. Изергина Н. А. Синонимия в современной английской терминологии электроники: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1980.
11. Кобрин Р. Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем.— НТИ, сер. 2, 1979, № 6.
12. Шелов С. Д. О языковой природе термина.— НТИ, сер. 2, 1982, № 9.
13. Котелова Н. Э. К вопросу о специфике термина.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
14. Пекарская Л. А. Реализация требований к «идеальному» термину в процессе речевого функционирования терминологии.— В кн.: Термин и слово. Горький, 1981.
15. Научный симпозиум «Место терминологии в системе современных наук»: Тезисы докладов и сообщений. 24—27 дек. 1969 г. М., 1969.
16. Моисеев А. И. О языковой природе термина.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
17. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959.
18. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., 1968.
19. Петушков В. П. Терминоведение и лингвистика.— В кн.: Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. М., 1972.
20. Лейчик В. М. Место терминологии в системе современных наук (К постановке вопроса).— НТИ, сер. 1, 1969, № 8.
21. Wäster E. Die allgemeine Terminologielehre.— In: Association Internationale de la linguistique appliquée. 3-rd International Congress of applied linguistics. Congress Abstracts. Copenhagen, 1972.
22. Федосов В. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. 2-е изд. М., 1967.
23. Hoffmann L. Terminology and LSP.— In: Infoterm Series 7. Terminologies for the Eighties. With a special section: 10 years of Infoterm. München — New — York — London — Paris, 1982.
24. Drozd L., Seibicke W. Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache: Bestandaufnahme— Theorie — Geschichte. Wiesbaden, 1973.
25. Шилова Г. С. Составные лингвистические термины в русском, английском и немецком языках.— В кн.: Термины в языке и речи. Горький, 1984.
26. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
27. Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971.
28. Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.
29. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
30. Гак В. Г., Лейчик В. М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте.— В кн.: Терминология и культура речи. М., 1981.

31. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
32. Sager I. C., Dungworth D., MacDonald P. F. English special languages. Principles and practice in science and technology. Wiesbaden, 1980.
33. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung. Berlin, 1976.
34. Cresson B. Introduction au français économique. Paris, 1983.
35. Котов Р. Г. Язык в реальной коммуникации как объект прикладной лингвистики. — В кн.: Международный форум по информации и документации, 1984, т. 9, № 4.
36. Степанов Г. В. Современная научно-техническая терминология на языках народов СССР и за рубежом. — В кн.: Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях союзных республик. М., 1983.
37. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980.
38. Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972.
39. Скуция В. П. Гибридотермины технических наук в латышском языке и их соответствия в русском языке. — В кн.: Контакты латышского языка. Рига, 1977.
40. Келтулла В. В. О смысловых несовпадениях в интернациональной лексике немецкого и русского языков. — В кн.: Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М., 1979.
41. Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982.
42. Проблемы типологии текста. М., 1984.
43. Дрезген Э. К. Интернационализация научно-технической терминологии. История, современное положение и перспективы. М., 1936.